

nejde ani tak o faktickou členitelnost jako spíše o rozčlenění místa či děje v myslí mluvčího, tedy spíše o záležitost psycholingvistickou.

Tím však ani zdaleka nejsou vyčerpány všechny aspekty, k nimž může mluvíci přihlížet při volbě lokalizační konstrukce, a tím obtížnější je také určení pravidel pro konkrétní případy. Jak vyplývá z dokladového materiálu i autorova rozboru, názory na přípustnost, resp. použití té či oné konstrukce se mnohdy diametrálně liší, což je zřejmě způsobeno tím, že různí uživatelé jazyka hodnotí situaci odlišně a při volbě lokalizační konstrukce se řídí jejími různými aspekty. Práce obsahuje velké množství dokladů, které tento předpoklad plně potvrzují.

Posledním oddílem monografie je materiálová část, která ve slovníkovém uspořádání obsahuje přibližně 80 z autorem zachycených 500 slov, na něž se nejčastěji vážou lokalizační konstrukce. Tato část vyniká bohatostí dokladového materiálu, jakož i pečlivostí zpracování. Kromě vlastních dokladů jsou zde v úplnosti uvedeny i výsledky dotazníkového průzkumu. K důležitějším heslům jsou kromě toho přiřazeny i kratší komentáře k některým jednotlivostem, které nebyly zařazeny do teoretické části.

Blaževova práce je cenná množstvím postřehů, které objasňují řadu dílčích otázek složité problematiky lokalizačních konstrukcí v současné ruštině. Autor poukázal na množství faktorů, k nimž je při zkoumání nutno přihlídnout, a naznačil nové cesty, které by mohly vést k velmi dobrým výsledkům. Dalším krokem, který se nyní nabízí, je utřídění a shrnutí dosud získaných poznatků do systému, v němž by bylo stanoveno místo jednotlivých faktorů a jejich význam při volbě lokalizační konstrukce, jakož i stanovení pravidel používání staticky a dynamicky lokalizačních konstrukcí v současné ruštině. Taková práce by nepochybně našla uplatnění i na našich vysokých školách.

Jan Šturala

Новое в русской лексике. Словарные материалы — 79
Под редакцией Н. З. Котеловой, Москва 1982, 319 стр.

Внимание к динамизму появления новых слов и значений в последнее время усиливается, о чем свидетельствуют работы авторов разных стран.¹ В СССР проблематикой возникновения новых слов и значений, их регистрацией и лексикографическим описанием занимается специальная группа Словарного сектора Института русского языка АН СССР под руководством Н. З. Котеловой. Лексикографический коллектив исследует регенерацию и пополнение словарного состава русского языка и публикует свои результаты в Словарных материалах — Новое в русской лексике.

Очередное издание выпуска Новое в русской лексике, Словарные материалы — 79, содержит около 2350 словарных статей и более 1400 слов, приведенных без описания списком, в котором указывается в отличие от предыдущих выпусков на источник появления данных слов, появившихся в текстах прессы и периодики за 4 месяца 1979 г. (Правда, Известия, Литературная газета, Новый мир, Крокодил, и др.). Структура публикации в основном такая же, как и у предыдущих Словарных материалов.² Дается лексикографическое описание не зафиксированных в существующих словарях новообразований (напр. *безотвалка, недострой, цирровый, чешиуть*), новых значений уже существующих слов (*газета, заправка, кормить*), новых устойчивых, несвободных сочетаний (*логический вамок, закон подлости, третья химия*), новых идиоматических сочетаний (*веников не вяжет, тихая дипломатия*), новых значений словосочетаний (*проверка боем*), новых слов разового употребления (*лжефантас*), новых значений слов однократно употребленных (*обцеликивать*), новых идиоматических сочетаний разового употребления (*не снимаю сапог*). Подавляющее большинство неологизмов,

¹ Srov.: HORÁLIK, L.: O některých tendencích ve slovtvorném procesu současně spisovné ruštiny. ČsR, 22, 1977, s. 104—109; GAK, V. G.: O sovremennoj francuzskoj neologii. In: Novyje slova i slovni novych slov. Leningrad, Nauka 1973, s. 37—52; MARTIN COVÁ, O.: Problematika neologismů v současné spisovné češtině. Praha, UK 1983, s. 9—22.

² Srov. STRAKOVÁ, V.: ČsR, 26, 1981, s. 128—130.

т. е., по мнению авторов, „слов, возникших на памяти применяющего их поколения“, составляют производные слова. Больше всего их обнаруживается в области терминологии, научной, общественно-политической, профессиональной лексики и в области экспрессивной лексики. Вышесказанному соответствует и структура неологизмов: около 90 % новообразований относится к именным образованиям, глаголам и глагольным словосочетаниям всего около 140, преимущественно разговорного характера (*кислородиться, лачить*), или глаголам с новым, дополнительным значением (*кормить, сделать лицо*). Склонность к именным конструкциям свойственна научному стилю. В связи с этим можно назвать несколько интересных примеров субстантивации: *циррозный* (больной циррозом печени), *грипповый, туберкулезный*. К научному стилю относятся и неологизмы сложных существительных со следующими первыми компонентами:

ПОЛУ- полупаровой, получулки (всего 34 примера);
МИНИ- мини-боеголовка, мини-спектакль (30 примеров);
СВЕРХ- сверхзакрытый, сверходаренный (29 примеров);
МИКРО- микросовет, микроядерный (28 примеров);
САМО- самопредатель, самоспасительный (20 примеров);
МНОГО- многорассовый, многосоставность (15 примеров).

Частотность проявляют и сложные существительные с первыми компонентами-основами несклоняемых существительных:

КИНО- кинокамера, кинология (киноведение) (всего 36);
РАДИО- радиоаудитория, радиолун (21 пример).

Среди сложений значительное место занимают образования, характерные главным образом для научно-технической терминологии, с первым компонентом — усеченной основой интернационального характера:

АВТО- авторазбрасыватель, автосамосвальный (всего 34);
ТЕЛЕ- телекинематографист, телесеть (31 пример);
БИО- биоастрономия, биоповреждение (15 примеров);
ФОТО- фотоблид, фотофизика (12 примеров);
АВИА- авиаракета, авиакимплощадка (11 примеров).

Надо остановиться и на фразеологических кальках из области общественно-политической терминологии. Рассматриваются, не совсем новые, кальки из английского языка: *политика большой дубинки* (a big stick policy), *политика сильного класку*, *равновесие страха* (balance of fear), *говновáha пeбeзpeбí*, приводится и калька более новая: *челночные переговоры* (Shuttle Diplomacy), *kuvadlová diplomacie* (раньше — *челночная дипломатия*). Эта калька интересна тем, что начинает активно функционировать в общественно-политической терминологии русского языка, и даже служит образцом для композиций с использованием не только модели, но и компонента образца (*челночные визиты, челночная тактика, челночный корабль*).

Рецензируемая публикация оправдывает свою актуальность и необходимость фиксировать и лексикографически описывать неологизмы русского языка. Словарные материалы, бесспорно, оказываются необыкновенно ценными для читателей современной советской прессы и периодики, для лексикографических коллективов, журналистов, преподавателей, переводчиков и всех, интересующихся изучением русского языка. Хотелось бы иметь пособие такого лексикографического плана и в чешском языке.

Й. Вацек

Gerhard Köbler, *Neuhochdeutsch-indogermanisches Wörterbuch*. Giessen-Lahn 1980, 192 str.

Autor, z jehož pera vyšly mimo historickopravní monografie i indexy ke starým právním památkám (*Wörterverzeichnis zu den Leges Langobardorum* v r. 1977, ... *Burgundiorum* 1978, ... *Francorum* 1979, ... *Alamannorum und Baiwariorum* 1979, aj.), rozšířil svou produkci indexů i na pole jazykovědné. Recenzovaný slovník vyšel jako 13. svazek řady *Arbeiten zur Rechts- und Sprachwissenschaft*, jako 15. svazek téže řady připravil autor *Neuhochdeutsch-germanisches Wörterbuch* a jako 16. svazek *Neuhochdeutsch-gotisches Wörterbuch*.